

«Почему вы сюда пришли?»

Протоиерей Андрей Кордочкин — о шествии российской эмиграции в Берлине

15:27, 18 ноября 2024,

Андрей Кордочкин

протоиерей

Илья Яшин*, Юлия Навальная и Владимир Кара-Мурза* на антивоенном марше в Берлине. Фото: Markus Schreiber / Associated Press / East News

«Не надо никуда ходить»

Я пошел.

Подходят журналисты, спрашивают: «Зачем?»

Через три часа, когда все завершилось, этот вопрос теряет смысл. Вспоминаются евангельские строки: «Увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были как овцы, не имеющие пастыря». Все это время ко мне подходят незнакомые люди, говорят о чем-то важном, кто-то плачет. Как не потерять веру? Как общаться с родственниками и друзьями, которые остались в России? Как справиться с безнадежностью, с разочарованием?

«Почему вы сюда пришли?»

Я вспоминаю Ахматову: «Я тогда была с моим народом там, где

мой народ, к несчастью, был», но слово «народ» — здесь уже не гражданство и не национальность, а свободное племя, которое не хочет жить в клетке. Я объясняю, что

Берлин — это лучшая локация из возможных, чтобы выйти вместе на улицу. Представьте себе этот город в конце 40-х годов и посмотрите вокруг. Значит, приходит день, когда о самых страшных диктатурах, о самых бессмысленных трагедиях мы начинаем говорить в прошедшем времени.

Стена — один из самых узнаваемых символов Берлина. Я вспоминаю свой первый приезд в этот город. Несколько часов между поездами, начало августа 1991 года, мне 13 лет, я отковыриваю куски от стены — они еще лежат где-то в родительском доме в Петербурге. Через несколько дней мы вернемся в Ленинград (тогда еще), а потом начнется «Лебединое озеро».

Многие из тех, кто пришел сюда, слишком молоды, чтобы помнить эти события, и не видели дрожащих рук на экране, но все равно поют громким хором: «Я хочу смотреть балет, пусть танцуют лебеди».

А еще у этого города есть другой узнаваемый с недавнего времени символ — больница «Шаритэ». В переводе с французского — это «любовь», но не amour и не эрос, а милостивая, сострадательная, жертвенная любовь. Как бы люди ни устали, как бы ни были возмущены — если нет charité, тогда останется только злоба и бессилие, и кто-то должен об этом напомнить.

* Внесены властями РФ в реестр «иноагентов»